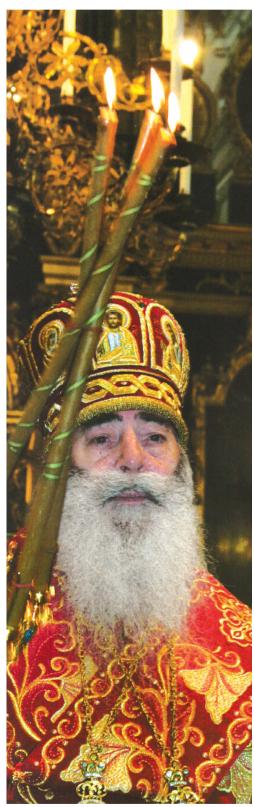

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА. WWW.KAZANSKY-SPB.RU

27 МАЯ - ДЕНЬ ГОРОДА И ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МИТРОПОЛИТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО И ЛАДОЖСКОГО ВЛАДИМИРА

Тропарь, глас 4-й: Днесь светло красуется град святаго Петра, яко наста, честнаго торжества, преславный день, в онь же людие христоименитии славословят Бога Вседержителя, на брегах Невы, оплот державы Российския утвердившаго, и воспевают Заступницу усердную рода христианскаго, доныне стольный град северный в мире и благоденствии сохраняющую, величают же и покровителя своего, святаго благовернаго великаго князя Александра Невскаго, молитвы ко Пресвятей Троице возносящаго, да помилует Господь и на будущия времена, люди своя, и покрыет град сей благодатию Своею, яко милосерд.

ервый камень в основание города был положен Петром Великим в эпоху, когда наше Отечество переживало период роста и укрепления, когда созидалось экономическое, военное, научное могущество России. Новая столица начиналась не только со стен Петропавловской крепости, но и с соборного храма во имя святых апостолов Петра и Павла. Подобно праотцу Аврааму, царь Петр с верою «ожидал града, имеющего твердые основания, и которого художник и строитель Бог» (Евр. 11. 10). Вскоре Санкт-Петербург, будучи столицей Российского государства, одновременно стал важнейшим духовным центром страны и мира. Богохранимый град Святого Петра, пребывая под покровительством Пресвятой Богородицы, Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла и всех святых в земле Петербургской просиявших, во все времена играл особую роль в истории России и Европы. Существует таинственная связь города во имя св. апостола Петра с житием его Небесного покровителя - подобно Петру, трижды отрекшемуся от Спасителя, Петербург пережил три революции, но Господь вразумлял богоспасаемый град тяжкими бедствиями, и ныне многие петербуржцы вернулись в спасительную ограду Церкви. Слава и Величие града Святого Петра создавались гением, талантом и подвигом многих поколений. Десять лет нашу епархию возглавляет митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) - один из старейших и выдающихся иерархов Русской Православной Церкви, постоянный член Священного Синода.

За это время много изменилось к лучшему в облике и жизни Петербурга, для сохранения духовности и культурного наследия которого так много сделал митрополит Владимир. Его молитва, мудрое управление епархией, терпение, внимание и уважение к людям, строгость, настойчивость и целеустремленность в деле возрождения святынь и храмов принесли обильные благодатные плоды в наших северных пределах. Санкт-Петербургская земля за десять лет управления Владыки Владимира украсилась новыми храмами, возродилось монашеское делание в тринадцати монастырях, сотни новых пастырей несут Слово Христово людям, упрочились связи между Церковью и светскими властями. Огромное социальное служение несет епархия, окормляя больницы, тюрьмы, опекая бездомных и престарелых. Работают православные средства массовой информации: радио, газеты, журналы.

На данный момент в епархии насчитывается четыреста сорок два прихода, служение совершают более пятисот свя-

щенников и сто тридцать девять диаконов. А если вспомнить, что десять лет назад в нашей епархии действовало всего лишь тридцать девять храмов, то сразу становится понятно, какой огромный труд проведен митрополитом Владимиром по духовному возрождению и преображению Санкт-Петербургской епархии.

Есть и особый Промысел Божий в том, что свой день Рождения Владыка Владимир встречает вместе с городом - 27 мая. Владыке в этом году исполнилось 77 лет.

Праздничная Божественная Литургия, возглавляемая митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром, совершалась 27 мая в великолепном Исаакиевском соборе - главном храме всей страны во времена Российской Империи, который был наполнен молящимся народом. На пасхальное приветствие с амвона: «Христос Воскресе!» - ответное свидетельство православных «Воистину Воскресе!» громогласно прокатывалось под куполом. Обновленная надпись над входом в Исаакий: «Храм Мой Храмом Молитвы наречется» - ныне воспринимается как священное пророчество: многие петербуржцы после десятилетий музейного бездействия собора начинают отчетливее ощущать нынешние и грядущие перемены в статусе собора, надеясь, что они сподобятся участвовать в подобных торжественных богослужениях под его великолепными сводами и во все дни великих церковных праздников. Собор был освящен в 1858 году в честь преподобного Исаакия Далматского, день памяти которого приходится на день рождения Петра I - 12 июня (30 мая ст.ст.).

Архиепископ Тихвинский Константин, ректор Санкт-Петербургских духовных школ, поздравил митрополита от лица ауховенства епархии учащихся и препо-

«Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия»...

давателей Санкт-Петербургской Духовной Академии, а также от себя лично: «Едиными устами и единым сердцем молятся сегодня духовенство и прихожане, благодаря Господа за такого духовного отца». Архиепископ Константин пожелал Владыке Владимиру здоровья и благоденствия, а также помощи Божией во всей его многогранной деятельности.

Поздравить Владыку прибыла губернатор города Валентина Матвиенко и представители администрации города.

Владыка поблагодарил всех за поздравления и отметил, что « большое счастье отмечать свой день рождения вместе с городом, быть сопричастным к всеобщему празднику».

НИ СЛАВГАНСКОЙ HCHMCHHOCTH REALTE

OF THE PROPERTY AND HEYE REAL VALUE OF

О славянских государствах, в Втом числе и в России, 24 мая широко отмечается День славянской письменности и культуры. Переживаемый славянскими народами Европы кризис требует активного объединения усилий для восстановления и развития культурных связей на новой основе. Для большинства славянских народов объединяющим фактором является православная религия и связанная с ней духовная и культурная сфера. Поэтому мы обращаемся к истокам нашей культуры, отдавая дань первоучителям словенским Святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию, принесшим на славянскую землю письменность и приобщившим многомиллионные славянские народы к мировой цивилизации, мировой культуре. Празднование памяти святых братьев еще в старые времена имело место у всех славянских народов, но затем, под влиянием различных исторических и политических обстоятельств, было забыто. В начале XIX века, вместе с возрождением славянских народностей, обновилась и память славянских первоучителей. В 1863 году на Руси было принято постановление праздновать память святых Кирилла и Мефодия 11 мая (24 мая по новому стилю). В соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1991 года N 568-1 о ежегодном проведении Дней славянской письменности и культуры с 1991 года государственные и общественные организации, совместно с Русской Православной церковью, стали проводить Дни славянской письменности и культуры.

Святейший Патриарх Алексий 15 мая 2006 г. направил организаторам, участникам и гостям 16-й общественно-педагогической ференции «Слово и образ — основа отечественной культуры» (Москва, Свято-Данилов монастырь) приветствие, в котором отметил необхо-

димость возврата к национальным традициям, христианским нравственным ценностям и сохранения русского языка в контексте славянской культуры. В своём послании Патриарх, в частности, сказал: «Исторически Церковь всегда стремилась активно взаимодействовать с государством во многих областях, уделяя особое внимание сохранению и развитию национальной культуры, поддержанию общественной нравственности, просвещению и благотворительности. Неизменно храня Истину Христову, Церковь призвана возвещать Слово Божие ближним и дальним, одновременно заботясь о создании внешних, благоприятных условий для проповеди и душепопечения. Вместе с тем полагаю, что возврат к национальным традициям, христианским нравственным ценностям, сохранение русского языка в контексте славянской культуры, гармоничное развитие личности — наше общее призвание и ответственность. Вслед за апостолом Павлом Церковь обращает к нам свой призыв: «Преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12, 2). Испокон веков любовь к своей Родине, соединённая с чувством священного долга служения Отечеству считалась одной из главных добродетелей и прививалась человеку с раннего детства. Поэтому роль слова и образа и использование лучших отечественных традиций в деле воспитания подрастающего поколения очень важны в современных условиях. Молодежь требует особого внимания и попечения, ибо она наиболее подвержена воздействию негативных, зачастую разлагающих форм современной массовой культуры».

В своём докладе Высокопреосвященный митрополит Калужский и Боровской Климент отметил, что «значение русского языка для сохранения и формирования культуры России трудно переоценить. Язык служит формой выражения внутреннего содержания, духовной жизни человеческого сердца. Эти вещи, безусловно, являются взаимозависимыми и можно сказать взаимоопределяющими. Традиционно следуя мыслью за великим писателем и классиком русской литературы, наш язык называют великим, могучим, правдивым и свободным, однако необходимо осознавать, что является он таковым потому, что воплотил в себе чаяния и стремления народа, отразил в себе мироощущение, свойственное нашим предкам, выросшее на культурной и цивилизационной почве восточного христианства. Тем не менее, очевидно, что источником для становления русского языка явился язык славянский, прошедший долгий исторический период формирования и получивший литературное выражение благодаря распространению христианства в пределах проживания славянских племен. В связи с этим отдельно хотелось бы остановиться вопросе богослужебного использования церковно-славянского языка, являющегося прямым наследником языка святых просветителей славян. Православные христиане, живущие жизнью Церкви, хорошо сознают духовную значимость этого языка, помогающего им ощутить благодатное действие Святого Духа, являемое через их участие в богослужениях, таинствах и священнодействиях церковных. Полагаю, что Русская Православная Церковь своим бережным отношением к многовековому наследию, доставшемуся ей от прежде живших и творивших поколений христиан, своим следованием по пути традиций, сформированных в русле православного миропонимания, совершила великий подвиг, став выразительницей и носительницей славянского православного духа и жизни. И сегодня, рассуждая о преемстве языка, следует помнить, что знание нашими современниками хотя бы основ церковно-славянского языка обусловлено не столько нуждами церковной проповеди, сколько необходимостью сохранения преемства нынешних поколений наших соотечественников с духовной жизнью наших предков и великим прошлым нашего Отечества. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий неоднократно подчеркивал, что народ, не помнящий своего прошлого, не имеет и будущего. Думается, что данные слова Предстоятеля нашей Церкви, непрестанно пекущегося о духовном благополучии вверенной ему паствы, должны приобрести особое значение в контексте рассмотрения вопросов входящих в круг проблематики настоящей конференции. Сегодня русский язык, имея своим основанием язык славянский и будучи укорененным в нем, храня таким образом исто рическое и культурное преемство является основным носителем российской культуры и образования, государственным языком Российской Федерации, однако отношение к нему многих телевизионных, радио и печатных средств массовой информации, а вслед за ними и ряда общественных групп вызывает серьезную озабоченность.

Низкий уровень освоения литературного языка в семье, общеобразовательной школе, в высших учебных заведениях препятствует освоению духовной культуры, формированию навыков научного, делового и профессионального мышления и создает опасную ситуацию, при которой для значительной части молодежи в силу плохого знания языка затруднено духовное, социальное и профессиональное развитие. В конечном итоге это может привести к развитию различных форм социального, политического, этнического и религиозного экстремизма и культурной деградации общества.

Язык – основа образования, а полуобразованная или неправильно образованная молодежь опасна в первую очередь для самой себя. Об этом свидетельствует история XX века, в частности, история русской революции.

Памятуя об этом, необходимо ясно осознавать, что отрыв от своих духовных и культурных корней в современных условиях бытия может быть не менее опасен и способен привести к самым катастрофическим последствиям. Именно поэтому так важно сегодня делать все возможное для приобщения молодого поколения наших сограждан к основам традиционной духовной (в данном случае — православной) культуры... Кроме того, рассуждая о потере многими нашими согражданами духовных ориентиров нельзя не сказать несколько слов о том положении отчужденности, в котором оказалось православное богословское образование на современном этапе. Ныне абсолютно все российские духовные учебные заведения лишены официального государственного признания. Светское и духовное образование в России имеют один общий исторический источник в лице Славяно-греко-латинской академии, и это позволяет нам говорить о рождении светской науки из науки церковной: ведь, как уже говорилось выше, во многом именно потребностями церковной жизни было обусловлено становление средних и высших школ. Несмотря на это, сегодня по причине не вполне преодоленной инерции советской эпохи, а отчасти из-за крайне узкого и предвзятого толкования значения и роли религиозного просвещения в жизни общества, в нашей стране сложилась ситуация, при которой духовные учебные заведения фактически оказались сегрегированны в правах и им отказано в государственном признании их дипломов. Хочется надеяться, что данная проблема получит соответствующее разрешение и духовное образования займет подобающее ему место в образовательной структуре Российского государства».

Патриархия.ru

Памятник Кириллу и Мефодию. Болгария, София.

СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД -«ЦАРСКИЙ ПУТЬ» ИЛИ УШЕДШЕЕ ПРОШЛОЕ? Святитель Филарет Московский о том, как переводить священные тексты на русский язык

сии начала XIX века, сопровождается

роблема языка - важная проблема культуры. Язык меняется, и то, что вчера было сленгом сегодня литературная норма. Хотим мы этого или не хотим, язык всегда «современен». Эстетичен ли он, красив ли, не выхолощен ли, это уже другой вопрос. Даже в пределах одного поколения язык подвержен изменению, что уж говорить о столетиях. Сегодня, открывая Священное Писание, читая на нашем родном русском языке притчу о сеятеле, беседу Христа с Никодимом или пастырские наставления апостола Павла, мы даже и представить себе не можем, что всего двести лет тому назад такая возможность для многих была лишь несбыточной мечтой. Наши предки слушали в храме Апостол и Евангелие по-церковнославянски, но чтобы лучше понять услышанное, им приходилось обращаться к английскому или французскому переводам. Когда Александр I, уже будучи императором, прочитал Евангелие по-французски, он словно в первый раз открыл его для себя и поразился силе, красоте и убедительности слова Божия. Каждый древнерусский книжник, будь он составителем назидательных поучений, летописных сказаний или просто княжеских актов, в отношении стиля и языка считал для себя образцом тексты Священного Писания и богослужения. Книжно-славянская стилистика священных текстов, сочетаясь в той или иной мере с народнолитературными элементами, позволяла древнерусскому языку выражать широкую гамму жанров - от богословских до поэтических. При этом наиболее близкой к священным текстам сферой книжности была, конечно, духовная словесность (проповеди, поучения, жития святых и т.п.); по языку эти тексты были такими же «стандартными церковнославянскими». В выделении особого церковного языка, отличного от мирского, проявился общий принцип несмешения священного с мирским, который с новой силой ожил в церковном сознании первой половины XIX века. Им руководствовался св. митр. Филарет (Дроздов) Московский в течение всей своей жизни. Вот как писал об этом сам святитель: «Закон запрещает изображать священные предметы на домашней посуде. Это частное правило имеет в своем основании общее правило: не смешивать священных предметов с мирскими, чтобы не оскорблять благоговения к священному (как, например, теперь на московской выставке. стоит чеканная одежда на престол, и на ней поставлен самовар, а рядом с потиром поставлена раковина с купидонами)»¹. Сегодня, к сожалению, значение священности в христианстве многим остается неясным. Даже среди православных некоторые отождествляют ее с сакральностью (от лат. sacer - «священный»). При этом одни абсолютизируют этот принцип, другие его полностью отрицают. Однако языческое понимание сакральности как запретности и отделенности от профанного принципиально разрушается в христианстве уже самим догматом о Боговоплощении. Было бы слишком поверхностно объяснять чувство священного в христианстве примитивностью и мифологичностью сознания. Ведь реставрация принципа священности, происходящая в Рос-

качественным повышением уровня богословского образования. Можно сказать, что священность в православии понимается как ассоциативная принадлежность Богу, иначе говоря, «освященность». Особое отношение к священным предметам (в том числе и к определенным элементам священного языка) выступает как результат почтения, уважения или, по словам митр. Филарета, благоговения к Богу. Итак, поскольку язык духовной книжности приобретает атрибут священности, становится возможным и перевод на него Священного Писания: первый русский текст Нового Завета, известный теперь как «перевод Российского Библейского Общества», был выполнен в 1816 - 1821 годах, - под руководством святителя Филарета, начинавшим этот труд еще архимандритом, ректором СПбДА. Деятельность будущего иерарха и его сподвижников была для своего времени смелой и новаторской. Его лингвистические установки о размежевания языка мирской и духовной книжности находят поддержку прежде всего у сторонников «нового слога» - карамзинистов, в то время как воззрения архаизаторов во главе с А.С. Шишковым вступают в открытый конфликт со взглядами митр. Филарета. Шишков не понимал реальной языковой ситуации: во-первых, он считал, что церковным языком может быть только церковнославянский, а весь русский язык - профанный, «язык театра»; во-вторых, он полагал, что церковнославянский и русский не разделены, а составляют один язык, поэтому перевод бессмыслен. В 1824 году, став министром народного просвещения, Шишков добился двух принципиальных для себя вещей: во-первых, дальнейшая работа над русским переводом Библии была прекращена и запрещена; во-вторых, свт. Филарету в его классическом теперь «Катехизисе» приказали цитировать Священное Писание по-славянски, а не по-русски (как было сначала), и убрать русский перевод «Верую» и «Отче наш». Когда в 1856 г. митр. Филарет смог возобновить дело перевода Священного Писания на русский язык, полемика с оставшимися последователями Шишкова почти утратила актуальность. В то же время в языке светской литературы намечается противоположная тенденция: уже в 1830-е годы появляется востоковед О.И. Сенковский с лозунгом окончательного разрыва с церковнославянской тралицией, что являлось крайне опасным для языковой культуры фактором, особенно когда участилось словоупотребление и словосочинение небрежное, не хотевшее подчиняться никаким правилам. Исходя из этого, московский святитель предпочитает оставить для языка Синодального перевода те же общие принципы, которые были в основе перевода РБО. Выражая таким образом заботу о русском языке, святитель об этом писал: «сим может быть оказано благодеяние русскому языку, который в настоящее время у многих писателей получил направление к Лаодикийскому (т.е. изобиловавшему варваризмами- прим.) и демагогическому словоупотреблению и словосочинению людей грубых, необразованных и безграмотных, и от того теряет он чистоту и правильность». «Если Бог благословит дело перевода Священного писания на русское чистое и правильное наречие, и он войдет в домашнее употребление народа, то он может споспешествовать установлению языка и удержанию его от падения, каковое действие перевода Священного Писания и у других народов замечено»². Конечно, традиционность языка Священного Писания не является абсолютной, и сам митр. Филарет указывает на необходимость изменения языка в Синодальном переводе относительно перевода РБО, потому что в то время «русский язык еще не довольно был установлен»³. По-видимому, он не возражал бы и против языкового «поновления» перевода через век-полтора, которое было предложено православными библеистами XX века - еп. Кассианом (Безобразовым), позднее К.И. Логачевым, Е.М. Верещагиным и др., - при условии сохранения основных принципов подхода к языку священного текста. Свящ. А. Лиховицкий в 1906 году писал, что «литературный русский язык... дал прекрасную, не тривиальную и никак не вульгарную форму Священному Писанию, в частности Евангелию, и это даже в таких высоко поэтических местах, как книга Иова, Псалтирь, беседы в Евангелии св. Иоанна»⁵. Признанными виртуозами, в совершенстве владевшими искусством «сочетания библейского слога с общенародным», в первой половине XIX в. считались свт. Филарет, митрополит Московский, и Иннокентий, архиепископ Херсонский. Искусность в слове признавали за митр. Филаретом даже идеологические противники: к примеру, А.И. Герцен в «Былом и думах» отмечает, что московский иерарх «владел мастерски русским языком, удачно вводя в него церковнославянский». Так «духовные витии» нашли оптимальный вариант для языка Церкви - особый стиль внутри единого литературного языка страны: с одной стороны, он не является непонятным (так как это не отдельный язык), а с другой стороны, он обособлен от повседневного языка и наделен атрибутом священности. Своего рода островок церковнославянского в русском.

Диакон Иоанн Реморов (в сокращ., полный текст см. СПб. Церковный Вестник №1-2 за 2005 год)

- ¹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митр. Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. V, кн. 2. М., 1888. С. 708.
- ² Такова была роль переводов Библии для многих западно- и южнославянских языков. Ср.: Смирнов Л.Н. К вопросу о роли переводов Библии в истории славянских литературных языков // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. М., 2001. С. 186-194.
- ³ Собрание мнений... Филарета, митрополита Московского... Т. дополнительный. СПб., 1887. С. 415.
- ⁴ Верещагин Е.М. Библеистика для всех. М., 2000.
- ⁵ Цит. по: Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России: (Конец XIX - XX в.). М., 2001. С. 59.

изык перкви

Доклад на Круглом столе «Беседы любителей русского слова: православное духовенство о языке», СПбГУ, 24 октября 2005.

Мне, как представителю Церкви и библеисту, пристало говорить о языке Русской Православной Церкви и, что для меня предпочтительнее, - языке Библии. Но, как для христианина, ещё важнее мне говорить о языке не просто как о культурном феномене, но как о средстве христианской миссии в мире.

Однако можем ли мы говорить о языке Церкви как о чём-то едином? В Церкви используются разные языки - церковнославянский и русский, а внутри церковнославянского языка (если же быть точным, - в церковнославянских текстах) мы обнаруживаем такие глубокие различия, что подчас кажется, будто речь должна идти о разных церковнославянских языках. Да и вообще не существует единого языка РПЦ. Мы ведь можем также говорить о:

- 1. языке Писания;
- 2. литургическом языке молитвы и церковной поэзии;
 - 3. языке богословия;
 - 4. языке проповеди;
 - 5. бурсацком жаргоне и т.д.

Церковь всегда бережно относилась к слову. В течение веков именно в Церкви было средоточие культуры и образованности. Сами культура и образованность долгое время были синонимами словесной церковности. Вместе с христианством на Руси возникла особая лингвистическая форма церковной письменности и пропо-

Нет нужды говорить и о достоинствах церковнославянского языка. Этот язык имеет великие заслуги и обладает непревзойдённой красотой для внимающего, и даже не очень внимательного, уха русского человека. Его звучание величественно и благородно. Но вот парадокс: неся на Русь христианство, этот язык одновременно стал чем-то сакральным, а тем самым противоречащим одному из важнейших достижений христианства. Не забудем, что христианство принципиально лишило не только язык, но и вообще что бы то ни было статуса сакральности. Сакральность – идея распространённая, но вовсе не христианская по своей сути.

Следует напомнить, что христианство никогда не имело и принципиально не могло иметь «сакрального», священного языка. В отличие от, скажем, ислама или иудейства. Так, язык ислама не может не быть языком Корана. Язык синагоги после «неудачного» опыта с Септуагинтой не может быть иным, кроме как еврейским языком Писания. Как говорил в одной из своих лекций Аверинцев, «с христианством всё с самого начала иначе. Христианство возникает среди иудейского народа и затем распространяется среди каких угодно народов, только не среди иудеев, то есть того народа, среди которого оно родилось. Священный язык? Евангелие и вообще все новозаветные сочинения мы имеем по-гречески; но они были написаны уже как перевод.... Языком самой начальной христианской проповеди был арамейский язык. И, тем не менее, ни единое изречение Христа не дошло до нас в своём арамейском подлинном виде. Под знаком перевода, передвижения из одной языковой сферы в другую... христианство стоит с самого начала».

Христианство, как «поклонение в духе и истине», не может быть фиксировано ни в какой лингвистической форме. Различные языковые формы христианство принимает, освящает, часто придёт им большое значение, но никогда не абсолютизирует, как это делается в других религиозных системах. Это в полной мере относится к языку Церкви. Для иудаизма и ислама Священное Писание - как текст, как совокупность букв, звуков, слов, фраз – это самая последняя инстанция откровения, а потому - реальность надмирная и премирная, предшествовавшая мирозданию. Христианин же никогда не найдёт необходимым и даже возможным подсчитывать

буквы Священного Писания и строить из них разные комбинации, как это делали и до сих пор делают иудеи (вспомним недавние эксперименты с так называемым «Библейским кодом»).

Христианам совершенно чужда идея сакрализации Слова Божия (в смысле Священного Писания). В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово» (Ин 1,1). Но было бы герменевтическим произволом понимать это Слово, Которое было в начале, в некоем метафизическом или даже лингвистическом, речевом смысле (а такое толкование часто приходится встречать). Для христианина Слово Божие - это вторая ипостась Бога Троицы, воплощённая в Иисусе Христе, живой Логос, Который был до создания мира. В исламе предвечно существует Слово Корана, для иудея предвечно существует Премудрость, как Слово Торы. Для христианина предвечно существует не текст, и не «слово» в его возвышенной отвлечённости, а Сын Божий, Иисус Христос. Это Он – единственное, первое и последнее Слово. А то, что мы привыкли называть Словом Божиим (Библией, Священным Писанием, а сюда можно отнести и некоторые писания святоотеческие, литургические и т.д.), есть всего лишь более или менее значимый текст, свидетельствующий о том единственном и живом Слове Божием. Интересно, что если Мухаммед свой Коран писал, то проповедь Иисуса Христа была от начала до конца только устной, только – живым голосом. Да и тот нам неслышен, ибо мы знаем лишь его пересказы и переводы.

В Церкви предпринимались попытки сделать тот или иной язык сакральным (греческий, латинский). И в нашей среде есть искушение оценить как сакральный церковнославянский язык, то есть язык литургии и молитвы. Но при всех величайших заслугах этого языка не существует абсолютно никаких богословских или мистических оснований для сакрализации этого языка «перевода в квадрате» (с арамейского на греческий и с греческого на славянскую основу).

Наша великая ценность, русский язык, был сформирован церковнославянским языком перевода библейских и литургических греческих текстов. Тем самым русский язык впитал в себя специфику поздней античной и послеантичной культуры, выразившей себя в эллинистической и византийской церковной словесности. Это подарок судьбы. На какой другой язык можно почти адекватно и по содержанию и по форме перевести греческую поэзию, скажем, Гомера?! Из близких нам европейских языков разве только ещё на немецкий. Но не об этом речь.

Речь о парадоксальности этого великого дара судьбы. Христианство в нашем этническом ареале было возвещено на церковнославянском языке. Не на естественно-разговорном языке привычного общения, но на искусственном, изначально отчужденном от обыденности языке, который был вроде бы и понятным и одновременно непонятным, чемто средним между профетией и глоссолалией, языком человеческим и «языком ангельским» (вспомним Первое послание к Коринфянам). Он действительно был как бы даром с эллинизированных небес. Однако за этот дар пришлось-таки платить. И платой была некоторая подмена живой христианской керигмы, «доброго известия» той проповедью, которая была обременена таинственной невнятностью и особой красотой, вызывающей священный трепет и приподнятой над грешным миром, короче говоря, всеми чертами сакральности. И это имело (я высказываю мою личную точку зрения) следствия, отнюдь не ожидавшиеся творцами церковнославянских текстов, а тем самым и русского языка. Если прибегать к аналогии, то можно сказать, что христианство на Русь пришло в «премудрости слова» (sōphia logoy), а не в спасительном «юродстве проповеди» (hē mōria toy kērygmatos) (1 Кор 1,17.21), в форме речи александрийца Аполлоса, а не тарсянина Павла.

Разумеется, вопрос не столь схема-

тично прост. Но в известном смысле именно церковный язык стал одной из главных причин того, что теперь русский народ нуждается в новом Просвещении и Крещении. А это стало уже едва ли не общим местом в рассуждениях о судьбах христианства в России.

Основная и прямая задача Церкви – миссия через научение, которое, разумеется, должно начинаться словом, чтобы вести к Слову. Но какое слово обязана Церковь нести в мир?

Слово церковнославянской литургической традиции? Однако для мира, что бы там ни говорили, этот язык сейчас (как, впрочем, и прежде) – прекрасная глоссолалия, нечто туманно-возвышенное. Иногда делается упор на литургическую темноту, якобы необходимую для проникновения в некие мистериальные глубины, идея захватывающая, но гностическая, никакого отношения к христианству не имеющая.

Слово Писания? Тем более что оно распространено преимущественно в русском Синодальном переводе. Прекраснодушные мечты! Не те времена, не те форматы.... При всех исторических заслугах в этом переводе и без того сложнейшего для понимания текста помимо множества ошибок и чудовищных невнятностей едва ли не через каждую строчку наталкиваешься на слова, которые изменили свою семантику. Однако перевод Писания требует особого рассмотрения.

Остаётся слово евангельской проповеди. Вспомним слова апостола Павла: «Я приходил к вам, братия, ... возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ... И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор 2,1.4). Впрочем, надо полагать, это «явление силы» происходило тоже не без участия слова. И сам же апостол указывает на реальность силы, заложенной в слове: «приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, – каково оно есть по истине, – которое и действует в вас, верующих» (1 Фесс 2,13). Итак, слово Евангелия (не Евангелия как книги определенного литературного жанра, а Евангелия в прямом и буквальном значении) обладает творческим действием (energeia), энергией преображения. Не будучи фиксировано ни на каком из языков, в России это слово, естественно, должно звучать на русском языке. Да, этот язык, укорененный в церковнославянском, и через последний соединенный с великой речевой культурой эллинизма, - этот язык сейчас утратил свою фонетическую величавость и непревзойденную музыкальность литургических текстов, он утратил также множество нюансов в морфологии, он до неузнаваемости изменил семантику сотен слов. Но в то же время за последние два столетия он и невероятно обогатился. Так что приобретения вполне способны компенсировать утраты.

Можно сказать, что для Евангельской вести в современном русском языке открылся новый, в некоторой мене «чужой», но в значительной степени родной язык, каковым для нее некогда был, скажем, греческий язык Септуагинты. И задача Церкви теперь – не изобретать новый искусственный язык, но принять уже готовый, великолепно развитый язык, принять его и освятить. Освящение же - дело Духа Божия через посредство носителей этого Духа. Язык для христианства в нашем народе готов, и даже в значительной мере воцерковлённый. Церкви остаётся продолжить начатое. Ещё нет на этом прекрасном языке ни молитв, ни литургической поэзии, ни достойного перевода Писания. Но уже давно есть проповедь. За примерами ходить далеко не надо. Достаточно почитать проповеди Митрополита Антония Сурожского, о. Георгия Флоровского и других духоносных просветителей недавнего прошлого. Что же касается существующего языка Церкви, то он может, как и прежде, быть источником просвещения, лексического вдохновения и стилистической красоты.

«Процвела, яко крин, пустыня»

29 мая исполнилось 20 лет со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Антония (Мельникова) - свидетеля и сопричастника послевоенного воскресения Русской Православной Церкви. Уроженец Москвы, он 20-летним юношей связал свою судьбу с Церковью, поступив в 1944 году на Богословеконастырские курсы, только что открывшиеся в столице.

Символом неодолимости Православия в России стала в те годы Троице-Сергиева Лавра. Верующий народ поднял ее всем миром из руин, до которых обитель довели свои же «безбожные властелины тьмы века сего». В Лавре Преподобного Сергия по окончании курса возрожденной Московской Духовной академии Анатолий Мельников и принял монашеские обеты. До хиротонии во епископа весной 1964 года отец Антоний 14 лет состоял на духовно-учебной службе. Кафедру в городе на Неве он занял в 1978 году, после кончины митрополита Никодима (Ротова). Вступая на нее, митрополит Антоний сказал: «Владыке Никодиму было дано от Господа 10 тахантов, а мне дан один. Так примите же меня с одним талантом».

С 1981 года митрополит Антоний возглавлял богословскую рабочую группу Синодальной комиссии по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси, но дожить до нового торжества Православия в нашей стране ему было не суждено...

В течение 19 лет Владыка нес послушание председателя редакционной коллегии сборника «Богословские труды». Выход каждого из 26 томов в те «застойные» годы был настоящим событием. После смерти Владыки-редактора посвященного его памяти сборника «Трудов» издано не было: наследие митрополита Антония еще ждет публикации. Предлагаем читателям очерк Владыки о его первом знакомстве с Троице-Сергиевой Лаврой - 60 лет назад, в самом начале 1946 года.

ыл холодный зимний день 1946 Dгода. Всюду были заметны следы недавно окончившейся Отечественной войны, но постепенно все оживало, восставало от страшного сна. Налаживалась и церковная жизнь под руководством недавно избранного Святейшего Патриарха Алексия. По его благословению трое паломников отправились из Москвы в бывшую Троице-Сергиеву Лавру, которая после ее ликвидации была музеем. Выйдя из поезда, мы вскоре увидели ее — бывшую Лавру. Она сливалась с серым суровым зимним небом и лишь контуры облезлой черной колокольни указывали на место Лавры. Все купола храмов были замазаны серой краской ради военной маскировки. Шатались черные кресты, а огромный крест с центрального купола Успенского собора, сорванный бурей, лежал распростертый посреди лаврского двора. Когда мы вошли в огромный пустующий двор, какое-то грустное чувство овладело нами. Кругом все пусто, одиноко, все разломано и развалено. Кусочки старого асфальта на дорожках, обломанные пороги папертей храмов, покосившиеся, сгнившие двери, выбитые стекла, зияющие ниши окон, из которых шумной ватагой вылетали галки. Особенно страшно выглядела Трапезная церковь, к которой нельзя было подойти близко, так как гульбище, совершенно обвалившееся с южной стороны, каким-то чудом удержалось вдоль северной стены, но вступить на него никто не мог, так как огромные отверстия угрожали тотчас поглотить смельчака. Внутри Трапезной церкви во время войны располагалась швейная фабрика, которая перебралась в другое место, но оставила после себя столько мусора, что можно было подумать, будто мусор специально свозили сюда. Конечно, иконостаса не осталось в

Трапезной церкви. Настенные изображения были замазаны краской, и лишь форма помещения говорила о том, что когда-то здесь была церковь. Не лучше выглядел Успенский собор. Цоколь здания разваливался, трудно было подойти к паперти собора, где неизвестно для какой цели было поставлено чучело бурого медведя с распростертыми лапами. Здесь же хранились остатки кареты времен Императрицы Екатерины Великой. Нам удалось зайти внутрь Троицкого собора. Совершенно черный, он выглядел внутри очень печально. Посреди собора стоял серебряный гроб с мощами Преподобного. Во время войны его хотели отправить в глубокий тыл, но, не сумев справиться с огромной тяжестью, так и оставили его посреди собора. Покрытая пылью и почерневшая от времени рака одиноко стояла перед Царскими вратами... Приложившись к закрытому гробу, мы помолились Преподобному и как-то сразу стало светлее на душе, и даже собор стал казаться приветливее и чище; казалось, почерневшие иконы иконостаса всматриваются в нас небесными взорами. Все было вокруг тихо и мертво, глаз искал мерцания лампады, ухо ловило церковное песнопение, но лишь музейные надписи окружали мощи Преподобного. Обходя разваливающиеся лаврские крепостные стены, мы зашли в здание бывшей Московской Духовной академии. Зайти было нетрудно: фундамент от когда-то существовавшей ограды легко было перешагнуть, дверей не было — они пошли в печь вместе с паркетными полами чертогов. Вход был доступен всякому, но никто туда не заходил, так как кроме чугунной лестницы и обшарпанных стен там ничего не было. Тяжелые вздохи вырывались из нашей груди, когда мы

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ. ВОСПОМИНАНИЯ. | КАЗАНСКИЙ Т

смотрели на то, что осталось от некогда цветущей великой Лавры, и тогда было трудно представить, что она снова воскреснет к жизни. Когда состоялось решение о передаче Троице-Сергиевой Лавры Московской Патриархии, Святейший Патриарх Алексий прежде всего назначил наместника Лавры. Назначен был архимандрит Гурий (Егоров), который в то время служил настоятелем собора в Самарканде. Вскоре архимандрит Гурий прибыл в Москву и по благословению Патриарха Алексия поселился в Загорске на частной квартире, а по праздничным дням богослужение совершал в приходской церкви св. пророка Илии. Загорские местные власти и музейные работники долгое время не хотели слышать о передаче храмов церковникам. Только после неоднократных усиленных забот Святейшего Загорский музей сдал свои позиции, начались переговоры... В дальнейшем приходилось вести борьбу за каждый разбитый камень, за каждый метр земли, за каждый храм и уголок территории и особенно за жилую площадь. Все помещения и крепостная стена были так густо заселены, что было трудно рассчитывать на то, что музей уступит какое-либо жилое помещение. Приходилось откупать у жильцов помещения. Делалось это так: жильцам предлагали деньги, и они уходили в город, с выгодой приобретая там себе жилую площадь. Но и в этих, откупленных помещениях, нельзя было размещать монахов, так как музей не давал согласия на прописку. Так велась борьба за каждый метр жилой площади. Мы уже говорили, что все помещения требовали срочного капитального ремонта. В то время, после окончания войны, в строительных материалах ощущался большой недостаток. Всюду воссоздавалась государственная промышленность, а для частных лиц отпускалось очень мало стройматериалов, и то по коммерческой цене. Приходилось платить за каждый кирпич для реставрации Лавры втридорога. Трудно себе представить, сколько требовалось кирпичей и всяких ценных стройматериалов для восстановления полуразрушенных зданий. Для одного гульбища вокруг Трапезной церкви потребовалось более миллиона кирпичей. Прежде всякой реставрации зданий, сначала, как только появилась возможность, были возобновлены регулярные богослужения в монастыре. Богослужения в Лавре начались в 1946 году, на Страстной неделе, в нижнем храме под Успенским собором. Первоначальная братия состояла из наместника, архимандрита Гурия, москвича священникацелибата Иоанна Крестьянкина и двух послушников: Александра Хархарова (ныне игумена Михея) и Игоря Мальцева (ныне священника Саратовского собора)1. К Светлой заутрене братия перешла в Успенский собор, и там с того дня начались богослужения. Гроб с мощами Преподобного Сергия был перенесен в Успенский собор. Музей долгое время не хотел уступить Троицкий собор. Ко дню Святой Троицы в Лавру прибыл Святейший Патриарх и возглавил торжество обновления и восстановления Лавры. Но даже Святейшему Патриарху, настоятелю Лавры, не нашлось места в обители, и он остановился за оградой монастыря, на частной квартире. Это было первое служение Патриарха Алексия в Троице-Сергиевой Λ авре. Оно было особенно торжественно, вероятно оттого, что все сослужащие и молящиеся сознавали величие этого дня, который был как бы официальным актом открытия Лавры. В тот день впервые открыли крышку гроба, и мы могли облобызать святые мощи

великого и чудного отца нашего Сергия... За Литургией присутствовал председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов. После окончания богослужения в доме Сарафановых, где жил наместник, за оградой Лавры, состоялся торжественный обед. С того дня стала быстрее восстанавливаться жизнь в Лавре, начали приходить желающие спасаться под покровом Аввы Сергия, но разместить приходящих монахов нельзя было даже и в откупленных помещениях, так как администрация музея по-прежнему не прописывала ни наместника, ни братию. Прибывшие монахи размещались на частных квартирах в городе. Первое помещение для братии было общей братской трапезной, а потом с великим трудом постепенно стали вселять монахов под колокольню и в другие помещения, малоудобные для жилья, но это было при втором наместнике — архимандрите Иоанне (Разумове). Несмотря на материальные трудности, на отдаленность жилых помещений от храмов обители, братия горела духом и не жалела сил для того, чтобы своим трудом способствовать скорейшему воскресению святыни Русской Православной Церкви — Λ авры Сергиевой. Λ авра воскресла из развалин и обломков. Мог ли быть в запустении дом Живоначальной Троицы! По благословению Преподобного Сергия заботами его духовного сына и послушника Святейшего Патриарха Алексия ныне восстановлена Лавра в прежнем величии, и, может быть, в настоящее время она в лучшем состоянии, чем была до революции. Словно троицкий букет сияет ныне красотой чудо-Лавра, переливаясь в лучах солнца золотом и пурпуром, проповедуя даже своим внешним видом о красоте небесного града и о вечных обителях Живоначальной Троицы. Теперь Лавра живет настоящей духовной жизнью, привлекая к себе верующих со всех концов Святой Руси. Все спешат к печальнику и великому чудотворцу Преподобному Сергию. Снова, как и встарь, непрерывным потоком вливаются в святые лаврские ворота богомольцы и, изумленные величием Дома Божия, созерцают преддверие рая небесного. Теперь Лавра привлекает к себе не только верующих людей, но и всех ценителей и любителей национального искусства, и едва ли кто-либо из иноземных гостей не побывал в лавре Преподобного. Теплятся лампады, ярко горят восковые свечи, не умолкает молитва, сияют обновленные иконы дивной кисти Рублева. Лавра живет полной, благодатной жизнью.... Теперь, когда Бог благословляет мне посетить Лавру, я вхожу во двор, переполненный богомольцами, и на минуту закрываю глаза, мысленно вспоминаю ту Лавру, какой она была не так давно, всего лишь в 1946 году, а потом открываю глаза и говорю: «Процвела, яко крин, пустыня...»

Подготовил Александр ГЛИН Санкт-Петербургский церковный вестник (май 2006).

Прим. нашей редакции: протоиерей Игорь Мальцев в 1951 г. окончил МДС. Женился на Вере Петровне Ермолаевой. Служил в Саратовской епархии до 1978 г. Служил в Ярославской епархии при Владыке Иоанне (Вендланде), духовном сыне митрополита Гурия. Скончался в 2003 году в Ярославле. Был настоятелем Феодоровского кафедрального собора города Ярославля при владыке Михее (Хархарове).

(Продолжение. Начало в выпусках №№ 1(1), 2(2), 3(3) 2006 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧУДЕСАХ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ, НА МНЕ ГРЕШНОИ ЯВЛЕННЫХ

Записки Марии Николаевны Красноцветовой.

Эконечно, если б не Господь охраняющий, его бы растерзали. Распорядились посадить его в какую-то пустую нетопленую избу, и приставили с ружьями двух конвойных. «Сижу, холод ужасный, ноябрь в Сибири не шутит, почувствовал, что замерзаю, стал стучать в дверь и потребовал, чтобы перевели в теплое помещение. И перевели, подчинившись уже без ругательств. И вот, оставшись один, - рассказывал муж, - я стал молиться: «Господи, если угодно Тебе, чтобы я служил Тебе, то спаси меня, а если казнишь меня, да будет воля Твоя». Измученный всем пережитым, я уснул и вижу сон: передо мною большое светлое озеро, а на другой стороне озера стоит Спаситель, и свет от Него струится великий, и все вокруг в свете. Протягиваю к нему руки и говорю: «Господи, я к Тебе иду!» - и слышу в ответ: «Иди!» Просыпаюсь и чувствую - позвал Господь. Стал спокоен, отдался на волю Божию во всем. Рано утром слышу, стучат сапогами, идут! Отворяются двери, и вносят горячий самовар, блины, обычное сибирское блюдо, миску сметаны и с любезными улыбками извиняются за вчерашнее неучтивство: «Простите, товарищ, мы разобрались теперь, ведь вы человек образованный и можете нам помочь. Мы здесь по разверстке хлеба, помогите нам наладить правильно дело, мы вам будем очень благодарны».

Муж, видя во всем руку Божию, удивительный Его Промысел, охотно согласился и целых две недели прожил у них. Завел им книги, разъяснил, как правильно учитывать урожай и проценты, полагающиеся на каждого, и за это время они так привыкли к нему, что никак не хотели отпускать, уговаривали остаться работать с ними, но он сказал им: «Простите меня, друзья, но я уже стар налаживать новую жизнь, теперь вы сами привыкайте работать, у вас все впереди!» Пугали его перспективой будущих притеснений священников, но он, помня зов Христов и повеление «Иди!», не остановился, не соблазнился никакими уговорами.

Потом все было благополучно, муж добрался до архиерея, который принял его как сына, обласкал и посвятил сначала в диакона, а потом и в священника. Подарил ему много книг и уговаривал остаться у него в Тобольске, но муж не захотел,

то как-то отрезвило их, но, а просил места где-нибудь в глуши, подальше от тревог, где можно было бы укрыть семью и отдохнуть. Так хотелось нам отдохнуть от всего. Но не знали мы, что испытания только начинались.

Назначение муж получил в глухую отдаленную деревню Малая Скаредная. Опять дорога. Приезжаем к полному неустройству. В церкви все запущено. Всем заправляет псаломщик, хитрый, двуличный человек. Дом священника был еще свободен, но его уже собирались отобрать под школу. Народ был как-то насторожен, не было сердечности, открытости. Никто никому не верил, а тут еще псаломщик плел мужикам всякие небылицы и восстанавливал против священника. /Много пришлось потерпеть от него, но все это было «так нужно». Трудно сгибалась душа, все внутри протестовало, все упрекало, зачем вступили на тяжкий путь бесправия, беззащитности. И так прошли три года мучительной жизни в борьбе с собой и с окружающей дикостью. Из дома все-таки нас выгнали, и жить пришлось мужу в церковной сторожке, а мне с детьми - в тесной старой избе, состоящей из одной комнаты, где были русская печка и полати, на которых вповалку спали дети. Несколько раз мужа увозили к власть предержащим на допрос, как, мол, смел уйти и бросить в Кротове свою службу. Он оправдывался тем, что ни от кого дел не принимал, так как все документы были уничтожены.

После трехлетнего искушения в деревне Малая Скаредная архиерей перевел мужа в большое село Аронашево, где мы устроились более или менее сносно и прожили десять лет. Дети подрастали. Гриша, который не имел возможности учиться, привязался к хозяйству, полюбил полевую работу, пахал, косил, сеял, убирал и работал наравне с настоящими крестьянами так, что они удивлялись и восхищались им. Ира, Костя, Таня тоже остались без образования. Болело сердце, жаль было бесконечно. Такие все способные, одаренные. У Кости были прямо выдающиеся способности, поражавшие учителей. Что делать?! Опять уповать только на волю Божию. Да о школе я и не жалела: чему там учили?

(Продолжение следует).

Из книги «В руку Твоею жребий мой» Издательство ООО «Арт Деко». С-Петербург, 2004 г.

Протоиерей Павел Красноцветов с супругой Лидией Ивановной. Тюмень 2002 год.

¹ Игумен Михей (Хархаров) впоследствии стал епископом, а затем архиепископом Ярославским и Ростовским. Скончался в 2005 году. О священнике Игоре Мальцеве редакция сведениями не располагает.

В поисках утраченного онтологизма Философская школа Московской духовной академии

Историческая проекция

Возникновение самостоятельной философской школы в Московской академии следует отнести к 20-м - 30-м годам XIX столетия. Это было время философского пробуждения русского общества, эпоха, по выражению Достоевского, «впервые сознательно на себя взглянувшая». Молодежь буквально бредила философией, причем влечение это носило даже некоторый бессознательнорелигиозный оттенок: само «слово «философия» имело в себе что-то магическое» (И.В. Киреевский). В образованном обществе, уже изрядно охладевшем к Православию, философия (в тот момент — немецкий идеализм) воспринималась как светский аналог, заменитель «устаревшего» христианства, определяющий и нравственность, и духовность, и смысл жизни. «В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Колумб в XVм, — он открыл человеку неизвестную часть его мира, о которой существовали какие-то баснословные предания — его душу» (В.Ф. Одоевский). Духовные школы, влияя и сами подвергаясь влиянию пробуждающейся секулярной мысли, занимали, однако, совершенно особое положение в философски развивавшемся обществе. Изучению философии в них уделялось традиционно большое внимание (вспомним классическое деление семинарского курса: риторика философия — богословие). Весь XVIII век Московская и Киевская академии являлись основными центрами философской культуры. И в XIX веке, в то время как университетское преподавание философии (для многих — синоним вольнодумства) находилось в крайне стесненном положении доходило до исключения курса философии из учебной программы — воспитанники Московской академии имели возможность знакомиться с трудами новейших западных мыслителей.

Школа Голубинского

В Московской академии создается студенческое общество «Ученые беседы», его секретарем становится восемнадцатилетний Федор Александрович Голубинский (1797-1854) — первый яркий представитель философской школы МДА. По окончании Костромской семинарии в 1814 году Голубинский в числе восьми лучших воспитанников был приглашен в новооткрывавшуюся Московскую духовную академию. Любопытно отметить, что фамилию Голубинский Федору Александровичу дал его отец при поступлении в Костромскую семинарию¹. По окончании Академии Голубинский преподает философию и немецкий язык, а с 1826 года его назначают цензором духовной литературы – должность, требующая исключительной эрудиции и трудоспособности. Исправлять нужно было не только богословские недочеты рецензируемых работ, но и допущенные искажения исторических фактов или, например, необъективную критику чьих-то публикаций.

Учеником Ф.А. Голубинского и его преемником по кафедре философии был Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов (1828-1891). Обучаясь в Московской академии, за отличные успехи он был награжден стипендией митрополита Платона, а с ней — и прибавлением к своей фамилии. Развивая основные положения Голубинского, в своих многочисленных работах Кудрявцев выстраивает уже некоторую целостную философскую систему. По воспоминаниям современников, наиболее характерными чертами В.Д. Кудрявцева были аккуратность, скромность и постоянство. Проявились они и в его научной деятельности. Все, что Кудрявцев изучал, он изучал очень тщательно. Своих взглядов и убеждений он не менял: воззрения ученических лет отражаются и в его поздних философских трудах. Кудрявцев одним из немногих представителей духовного сословия начал писать изящным литературным языком, книги его написаны чрезвычайно ясно и просто, впрочем, его слогу свойственна и своеобразная «величавость» (выражение одного из учеников В.Д.), даже некоторая растянутость. С. Глаголев одной из главных заслуг Кудрявцева называет воспитание им в своих учениках

и читателях культуры полемики, уважения к оппонентам. «Тон бахвальства, ничем не оправдываемого презрения и ужаснейшая брань обычно характеризовали отношение русских духовных и недуховных писателей к противникам. Лже-философ Кант, юрод Гегель, лженатуралист Дарвин, это — сравнительно самые снисходительные отзывы духовной печати о западных мыслителях. Виктор Дмитриевич учил собственным примером относиться с уважением к своим противникам, не закрывать глаза на то, что они сделали хорошего, не ругать, а серьезные возражения противопоставлять тем их мнениям, которые мы признаем несправед-

Третьим заметным представителем философской школы Голубинского был Алексей Иванович Введенский (1861–1913). Перед поступлением в Московскую академию Алексей Иванович учился в Вифанской семинарии в Сергиевом Посаде. С 1888 г. Введенский преподает в Академии историю философии. Его главные научные труды посвящены критическому обзору основных философских течений того времени. Большое внимание уделял он также изучению индийских религий. Кроме научной и преподавательской деятельности необходимо отметить и публицистику Введенского. Он был постоянным сотрудником «Московских ведомостей», в которых под псевдонимом Басаргин печатал свои статьи по религии и философии, литературную критику.

Годы работы в МДА трех упомянутых нами выдающихся профессоров философии составляют в сумме чуть меньше столетия: Ф.А. Голубинский (1818–1854), В.Д. Кудрявцев (1854–1891), А.И. Введенский (1888– 1912) — знаменуя особый период в жизни духовных школ. Объединяет их не только место и время несения своего церковного послушания, но и глубокая общность их философских убеждений. Они - очень непохожие личности, совершенно по-разному ставившие акценты в своей жизни и в своем творчестве. Но в то же время чувствуется единство, почти совпадение некоторых основных, фундаментальных тезисов и взаимодополнение во второстепенном, что и позволяет нам говорить о сложившейся философской школе Московской духовной академии.

Итак, что же составляет ядро, суть системообразующих теорий этой школы?

Философская проекция

Живая вера, «теплое благочестие» (выражение А.В. Горского) ее основателей — вот что определяло своеобразие философской школы МДА. Для нас этот естественный для того времени факт как будто остается в тени, но именно он выделяет философию Академии из великого множества философских систем XIX века.

Наиболее популярны тогда были идеи немецкого идеализма: Шеллинг и, особенно, Гегель задавали тон в новейшей философии. Собственно, между ними должна была выбирать молодая академическая школа. Сходная ситуация наблюдалась в европейской схоластике в Средние века: мышление, основанное на православной догматике и святоотеческой литературе, встречаясь с хорошо разработанными, но чужеродными философскими доктринами (тогда это Платон и Аристотель), развивало свою, христианскую философию, примыкая к тому или другому направлению. Наша школа, начиная с Голубинского, склонялась к Шеллингу, который особенно в конце жизни стоял на позициях христианского теизма.

Своеобразное обособленное положение Московской академии в Троице-Сергиевой Лавре, в деревенской тиши Сергиева Посада, способствовало тому, что, однажды восприняв западное влияние, «академические» философы не торопились перестраивать свои взгляды в соответствии с новыми, более модными течениями. Не только внешне, но и внутренне отгородившись от «буйствующего секуляризма» русской жизни XIX века, они самостоятельно возводили здание рационального христианского мировоззрения на уже один раз положенном основании.

Они придерживаются последователь-

ного критицизма, не доверяя «непосредственному чувству». «Особенность философии, — пишет В.Д. Кудрявцев, — состоит в том, что она исходит не из предположений или начал, принимаемых непосредственно на веру, но из принципов обоснованных и доказанных в своей истине». В другом месте он замечает: «Свет Откровения не уничтожает самодеятельности человеческого ума; он не ослепляет человека, а делает более ясным его зрение». Однако, хотя внешне религии отводится скромная роль «советующего друга», внутренне построения философов академической школы есть не что иное как проекция цельного христианского мироощущения на плоскость рационального понимания, формулировка христианской веры (не отдельных аспектов, а в ее полноте) на языке разума. При таком переводе, проекции, очевидно неизбежны значительные утраты, потери в смысле. И действительно, самое большее к чему «доказательно» приходят философы — это христиански ориентированный теизм, то есть существование

Трехчастное бытие

Их рассуждения можно схематично представить следующим образом. Начиная с декартовского «cogito ergo sum» (мыслю, следовательно, существую), мы приходим к существованию познающего «я» и окружающего мира. Но, вместе с тем, из самого факта познания дегко выделяется идея «истинного познания» (даже не признавая возможности истинного познания, скептики подтверждают тем самым существование идеи «истинного познания»): любое познание имеет своей целью «истинное». А «истинное познание» не может относиться ни к чему другому, кроме «истинного бытия». Итак, существуют три вида бытия: «я», «мир», «Абсолютное бытие», — причем существование Абсолютного. Безусловного бытия и обеспечивает возможность познания, ибо любое познание направлено к познанию истинному, безусловному. Более того, само разделение на «я» и «мир», отделение себя как субъекта восприятия возможно лишь как следствие «того первоначального закона, по которому наш дух стремится к Бесконечному» (Голубинский). Именно по устремленности к Безусловному мы отделяем «я» от «мира», в котором Безусловное предстает перед нами. Таким образом, основной вывод рассуждений таков: существование Абсолютного бытия есть основное, фундаментальное убеждение нашего сознания.

В соответствие с трехчастным делением бытия гносеология также делится на три части: опыт (эмпирическое познание), рациональное познание и познание идеальное, «особая способность к восприятию сверхчувственного бытия» (В.Д. Кудрявцев). Уверенность в реальности окружающего мира (об этом речь пойдет далее) увеличивает значимость чувственного познания, которое, впрочем, не является самодостаточным, а дополняется рациональным: «Действительный источник нашего познания о внешнем мире, как познание, заключается в разуме» (В.Д. Кудрявцев). Идеальное, «непосредственное восприятие Бога» также соотносится с разумом, оно усваивается нами «соответственно законам нашего познания». Таким образом, путь к достоверному знанию, пришедшему из эмпирического опыта или из откровения, всегда лежит через рациональность «уже по тому самому, что, за устранением авторитета разума, не остается никакого критерия к различению истины от заблуждения» (В.Д. Кудрявцев).

Онтологизм

Характерной чертой философской школы Московской академии является и присущий ей онтологизм — убежденность в реальности окружающего, предметов вокруг нас. Впрочем, это онтологизм не материалистический, утверждающий существование только физически воспринимаемого, чувственного мира. Напротив, само существование «вещей», как и наше их восприятие (вспомним рассуждение про истинное познание и истинное бытие), возможно лишь как следствие их укорененности в Абсолютном бытии. Как писал В.Д. Кудрявцев, «в самой области материального бытия есть нечто, чему невозможно приписать признаки материальности».

Но и идеалистическое восприятие мира, при котором признаются лишь субъективные реальности - наши чувства и впечатления, а не сами предметы, - равно не свойственно академической философии. При таком подходе по-настоящему существует одно только «я», а окружающий мир лишь настолько, насколько он соприкаса-

Отметим, что при всем кажущемся различии, материализм и идеализм — родственные теории. Своей популярности они во многом обязаны убеждениям европейского естествознания Нового времени. Исследуя некий объект, ученый неизбежно уничтожает его. Это прослеживается и на буквальном уровне: чтобы понять «устройство» лягушки, необходимо ее умертвить. И на уровне смысла: исследуя дом, мы обнаруживаем, что он сделан из цемента - вот уже дома нет, остался один цемент. Далее, цемент раскладывается на компоненты, и через несколько шагов мы видим, что нет ни дома, ни цемента, а некое собрание неразложимых, элементарных деталей, которые мы назовем для простоты атомами. Здесь-то и проявится разница: материалист скажет, что атомы существуют, хотя и не сможет объяснить, что это такое. А по мнению естественно-научного идеалиста атомов вовсе не существует (в том же смысле, как не существует и дома), просто атомы — это некоторый промежуточный этап между домом и пустотой. Как видно, разница не такая уж большая. Идеалист — приверженец, проповедник радикальной пустоты в мире, а в конечном итоге, и в жизни. Материалист его последователь, но испугавшийся идти до конца и остановившийся перед последним шагом. Его позиция непоследовательна и логически уязвима, но, в отличие от чисто идеалистической, она может давать вдохновение и опору для деятельной жизни, пусть ненадолго. Пример, всем нам знакомая марксистско-ленинская идеология. Но суть одна, обе теории связывают жизнь того, что живет, и реальность того, что существует, не с Богом, а с человеком, с «я»: «я» — источник бытия. Но поскольку «я» не способно порождать вечное, то и получается вместо жизни — смерть, а вместо бытия — ничто, пустота. Осознавая это, но не видя ничего кроме себя, идеалисты и провозглашают всеобщую относительность, изменчивость и неустойчивость.

Совсем на других основаниях стояли философы школы Голубинского. Видимый мир и составляющие его объекты сами по себе не существуют, они даны нам лишь в своей укорененности в Абсолютном бытии. Такое существование (существование «в Боге») и есть единственное полноценное и «живое» (даже для неодушевленной природы). Наш мир не скопище трупов вещей (вещей, существующих самих по себе), но и не наша иллюзия или сон, бытие мира реально, максимально реально, поскольку причастно Единственной Абсолютной Реальности и Бытию.

И здесь снова уместно будет вспомнить о духовной географии: МДА возросла в Троице-Сергиевой Лавре. Для верующих же людей, и в первую очередь для философов Московской духовной академии, зримым символическим примером, вещественным опровержением разного рода теоретических блужданий были и остаются нетленные мощи преподобного Сергия, вот уже шесть веков наглядно опровергающие и релятивизм идеалистов, и наивную уверенность материалистов. Мощи Преподобного — отблеск и напоминание Воплощения и Воскресения Христова, на которых, как на неприметных постороннему глазу, но от этого не менее значимых камнях фундамента, устраивалась философская школа

Николай Солодов. «Встреча» 2004 2(18).

1 История МДА помнит еще двух профессоров по фамилии Голубинский: сына Ф.А. Голубинского — Дмитрия Федоровича, который преподавал в Академии физику, математику и естественную апологетику, и Евгения Евсигнеевича — известного историка, получившего фамилию Голубинский при поступлении в Костромскую семинарию, вероятно, в честь Федора Александровича.

Выпуск №5 (5), 2006 г.

(Продолжение. Начало в выпусках №№1,3)

АПОКАЛИПСИС

АРХИМАНДРИТ ИАННУАРИЙ (ИВЛИЕВ). БЕСЕДА № 3

егодня мы начинаем с вами чтение книги Апокалипсис, по возможности, скромный ее разбор и попытку понять, что желал вложить в свое сочинение автор этой замечательной книги -Иоанн. Разумеется, признавая эту последнюю книгу Библии богодухновенной, мы должны считать ее изначальным Автором Самого Бога, а Иоанна - Его пророком. Но пророк – не безвольный инструмент Бога, а человек с его свободной волей, со всеми своими человеческими особенностями, в том числе, с особенностями его как литератора и богослова. Поэтому, не так как Коран, буквально продиктованный Мухаммеду Богом, единственным его Автором, христианское Священное Писание написано двумя согласными с собою авторами: Богом и человеком Иоанном. Слово Божие одновременно и божественно, и человечно, как и Слово Бога Воплощенное, Иисус Христос, есть одновременно и Бог, и Человек.

І. Общее вступление к книге (1,1-20)

1. Предисловие (1,1-3)

Мы уже с вами упоминали в прошлой беседе, что Апокалипсис начинается с уведомления о названии этой книги и благословения ее чтецу и ее слушателям во время богослужебного собрания. Книга называется Откровение Иисуса Христа. Так она сама себя называет, в отличие от нас, которые привыкли называть ее Откровением Иоанна Богослова. Иисус Христос – вот кто открывает нам тайны Божии. Это Он снимет печати с хранящихся до времени тайных замыслов Бога о спасении мира. Бог Отец есть Творец всех веков, только у Него планы творения, начало и конец всего. И только Он позволяет открывать Свои тайны тем, кому Он хочет их открыть.

Иисус Христос. Следует отметить, что человеческое имя Спасителя Иисус встречается в книге 14 раз, в том числе 7 раз в выражениях «свидетельство Иисуса» и «свидетели Иисуса». Это двойное повторение числа 7 говорит о совершенстве человечества Иисуса Христа и о большом значении понятия «свидетельства». Отметим также, что слово Христос встречается в книге ровно 7 раз. Тем самым подчеркивается абсолютное значение мессианства Иисуса. Вообще, в Апокалипсисе числа имеют очень большое значение. Некоторые числа лежат для читателя на поверхности (7 печатей, 7 труб, 7 чаш, 7 светильников, 7 духов, 7 церквей, 7 голов зверя и т.д.). Но некоторые числа сокрыты в самой структуре текста, их сразу не заметишь. Для этого и требуется тщательное экзегетическое исследование, включая статистические подсчеты повторяемости тех или иных слов. Число 7 символизирует полноту, законченность, совершенство, завер-

В ст.1 мы видим «цепочку откровения»: Бог – Иисус Христос – Ангел – Иоанн – прочие «рабы Божии». Эта цепочка будет разворачиваться в первых 10 главах книги. Конечная цель откровения – «рабы Божии». Так здесь названы христиане. Выражение «раб Божий» - почетное наименование ветхозаветных пророков. Так, например, в книге Амоса (3,7) говорится, что Бог открывает тайны «рабам Своим, пророкам». В книге Откровения особо подчеркивается пророческая роль Церкви в истории. Поэтому в известном смысле каждый христианин – пророк. Только под пророчествами, как мы уже с вами отмечали, не следует понимать предсказания. Пророки – не провидцы, но выразители воли Божией. Откровение Иисус Христос вручит Ангелу. Это Сам Иисус говорит в конце книги: «Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать сие в церквах» (22,16). Вообще такие переклички начала и конца, симметрия в расположении материала и даже отдельных слов и высказываний, очень характерна для этого сочинения. Мы видим из всего этого литературного кружева, какую огромную литературную работу провел Иоанн, осмысляя и оформляя данные ему Ангелом Божиим видения и откровения Христовы.

Что же будет «показано» «рабам Божиим»? Будет показано, «чему надлежит быть вскоре». А вскоре придут трудные времена, предшествующие Концу. Само выражение «чему надлежит быть вскоре» взято из Дан 2,28. Там Бог открывает царю Навуходоносору, «что будет в последние дни». Здесь подчёркнут план Божий («надлежит») и определённое «вскоре». Речь идет о «последних временах», о времени эсхатологической битвы добра со злом, Бога с Сатаной, Христа с Антихристом. Христиане должны быть вооружены и должны сохранить себя в этой борьбе. Но они могут быть уверенными в окончательном спасении, ибо все эти предстоящие события держит в Своей руке Бог. Об этом заверяет выражение «надлежит». Это слово означает не неизбежность предопределенного рока, но всегда означает план Божий, Его спасительный промысел.

В ст.2 Иоанн и себя подчеркнуто именует «рабом Божиим». Он – пророк и принадлежит церкви «рабов Божиих» пророков. И снова в конце книги утверждается то же: Ангел называет Церковь церковью пророков, а Иоанна их братом (22,9). Так постоянно перекидывается мостик из начала – в конец.

Иоанн «свидетельствовал» (эпистолярный аорист, т.е. «вот здесь свидетельствует») об этом Откровении Иисуса Христа, которое названо здесь «словом Божиим» и «свидетельством Иисуса Христа». Понятие «свидетельством Иисуса Христа». Понятие «свидетельства» – ключевое в Книге Откровения. Мы с ним встретимся многократно. Здесь это слово означает собственно все содержание книги, свидетелем которого выступает Иоанн. Он должен нести это «свидетельство Иисуса Христа» дальше, т.е. написать вот эту книгу Откровения.

«Свидетельство» в Апокалипсисе всегда означает свидетельство словом, которое имеет следствием свидетельство жизнью и свидетельство кровью. Интересна история перевода слов «свидетель, свидетельство». Греческое μάρτις вообще означает «свидетель», юридическое понятие. В эпоху гонений на христиан их судили, и на суде они выступали свидетелями Иисуса Христа, Его истины. Христиане свидетельствовали свою правоту жизнью, выдерживая страшные мучения и проливая свою кровь. При переводах на другие языки слово шартис либо просто транслитерировалось (сравни латинское martyr, перешедшее затем в другие западные языки), либо переводилось по тому впечатлению, какое оказывал вид свидетелей Христовых, когда их подвергали пыткам и казням. Их мучили. Вот и появился перевод слова µи́ртиς «мученик». Так что мы не должны забывать, что христианские мученики - свидетели о Христе ценою своих жизней.

В ст.3 – благословение, которое произносит предстоятель. Он благословляет чтеца и слушателей Апокалипсиса, которое здесь названо «пророчеством». Благословение преподается тем, кто во время богослужебного собрания внимает этому пророчеству и делает необходимые выводы для своей жизни («соблюдает написанное»). Благословение дается в традиционной форме «блаженства». «Блаженный» по-гречески **макарьос.** Поэтому такие «блаженства в науке называются «макаризмами». Так вот, здесь мы имеем первый из 7-и макаризмов в Откровении. Да, и приветствие «Блаженны...» тоже встречается в книге ровно 7 раз, причем в определенных и важных местах. В этом стихе, в начале книги, говорится, что «блажен соблюдающий написанное в ней». А в конце книги тоже говорится: «Блажен соблюдающий слова пророчества книги сей» (22,7). Так сама книга обрамляется двумя «блаженствами». Тем самым подчеркивается пророческое значение книги и та жизненная задача, которая ставится в ней перед христианами. Ведь пророчество, как мы уже выяснили, не предсказание, но всегда некое увещание и требовательный призыв к действию. Настоятельность соблюдения написанного в Апокалипсисе обосновывается тем, что «время близко». Немного неточный, как это обычно в Синодальном тексте, перевод. Речь идет не о «времени», а о назначенном Богом, совершенно определенном «сроке». Это срок наступления того, «чему надлежит быть вскоре» (ст. 1). Близки эсхатологические события Конца и Дня спасения.

2. Эпистолярное начало (прескрипт) (1,4-8)

В ст. 4 снова выступает на сцену чтец. Он зачитывает адрес «послания» по принятому образцу, установившемуся в Церкви благодаря посланиям апостола Павла. Образец таков: кто пишет? кому пишет? и приветствие адресату в форме «Благодать вам и мир от...». Поскольку мы с вами уже достаточно долго изучали многие послания Павла, не станем повторяться и говорить об этой форме, в том числе о том, как античное приветствие «Радуйся» превратилось у Павла (и здесь у Иоанна) в «Благодать и мир».

Итак, Иоанн пишет семи церквам в Асии. Предполагается, что христиане этих церквей в Римской провинции Асия хорошо знакомы с Иоанном, Поэтому он себя не представляет, скажем, Апостолом. Ему не нужно утверждать свой авторитет. Кроме того, он не называет себя Апостолом, т.к. в прямом смысле таковым и не являлся. Ведь апостольскую миссию в этой провинции уже исполнил Павел. Авторитет Иоанна как пророка достаточно удостоверяется тем, что он получает задание написать все это непосредственно от Иисуса Христа (1,9-20).

Церкви в семи городах Асии символизируют всю Церковь Малой Азии, более того, всю Вселенскую Церковь. Апокалипсис — не просто окружное послание, но Вселенское послание. Об этом говорит не только число 7, но и самосознание автора. В 22,18 Иоанн предполагает, что его писание услышит всякий христианин. В 1,11 называются эти 7 церквей в 7-и городах, расположенных по кольцевой дороге, начинающейся в столице Ефесе. Главы 2 и 3 показывают, что Иоанн прекрасно знал ситуацию каждой из этих церквей.

«Благодать и мир» посылаются читателям от Бога, Который есть источник того и другого, и Который представлен здесь в очень необычной трехчастной форме: от Бога Отца, от семи духов перед Его престолом и от Иисуса Христа. Вполне аргументированно многие комментаторы усматривают здесь непривычное для нас указание на троичность Бога. Разумеется, Иоанн, живший более чем за два столетия до I и II Вселенских соборов, до всех долгих дискуссий святых отцов о Боге Троице, не мог еще пользоваться понятиями и терминологией IV века. Кроме

того, язык Иоанна особенный, образный, не скованный строгой богословской терминологией. Поэтому и упоминание Бога Троицы у него могло быть так необычно сформулировано.

Прежде чем приступить к разбору этого приветствия, - а этим мы займемся в следующей беседе, - здесь надо сказать о необычной грамматике в стихах 4-5. Дело в том, что здесь не соблюдены элементарные правила склонения. «Благодать вам и мир от...», - далее должны следовать имена в родительном падеже. Но они стоят в именительном падеже. Если переводить на русский язык в той грамматической форме, в какой все это написано по-гречески, то выглядеть эти стихи будут следующим образом: «Благодать вам и мир от (он) Сущий и (он) был и (он) грядущий... и от Иисуса Христа, (он) свидетель, (он) верный, (он) перворожденный мертвых и (он) начальник царей земли». Все, отмеченное местоимением (он), стоит с определенным артиклем мужского рода в именительном падеже. В эпоху Возрождения, т.е. в конце XV – начале XVI века, когда гуманисты стали основательно изучать Священное Писание, считалось, что Иоанн плохо владел греческим языком, если делал такие непростительные ошибки в грамматике. Но это не так. Иоанн очень хорошо владел греческим. Но грамматика для него была одним из подручных средств богословия. Иоанн был строгим монотеистом. И для того, чтобы продемонстрировать неизменность и независимость Бога, он даже Его имя не изменяет по падежам. Бог не зависит ни от чего, в том числе от склонения существительных. Такие грамматические «погрешности» в Апокалипсисе повторяются всегда преднамеренно, обращая внимание читателя на богословский смысл того или иного высказывания.

ИАННУАРИЙ (Ивлиев), архимандрит, профессор.

Научная биография

В 1966 г. окончил Санкт-Петербургский государственный университет. До 1975 был сотрудником и аспирантом университета. В 1975 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию (СПбДА). С июня 1978 года является преподавателем, с 1985 г. – доцентом, а с 2005 г. – профессором СПбДА. Кандидат богословия. Участник многочисленных международных конференций и консультаций.

В Санкт-Петербургской духовной академии преподает Священное Писание Нового Завета и Библейское богословие. В Московской духовной академии преподает экзегезу Священного Писания Нового Завета.

Член Синодальной богословской комиссии РПЦ МП. Член комиссии по канонизации святых РПЦ МП. Куратор редакции Священного Писания Церковно-научного центра »Православная Энциклопедия».

Церковные послушания

В 1979 г. пострижен в монашество, в том же году рукоположен во иеромонаха. В 1986 г. возведен в сан архимандрита. В настоящее время - штатный клирик Казанского кафедрального собора г. Санкт-Петербурга.

Научные интересы

Исагогика и экзегеза Писание Нового Завета, библейское богословие, библейская филология.

8

Таинство брака

Новом Завете нет прямых ука-Взаний на совершение таинства брака. Брак есть единственное из семи христианских таинств, которое ведет свое начало от времен ветхозаветных. По воле Божьей брак основан на естественной силе любви, связующей два одноприродных существа — мужчину и женщину. Согласно Быт 2:18 сл., целью брака является не столько деторождение, сколько духовно-телесное единство, взаимодополнение, взаимопомощь. Заповедь «плодитесь и размножайтесь» относится и к человеку, и к другим живым существам (Быт 1:22,28), но только человеку заповедано составить в любви «одну плоть» (Быт 2:24). «Метафизическое единение мужчины и женщины есть таинство, поскольку оно превышает категории нашего разума и может быть пояснено лишь сопоставлением этого таинства с таинством Пресвятыя Троицы и догматом церкви, а психологически это единение является источником

таких чувств брачующихся, которые по самому своему характеру исключают вопрос о целях брака вне его самого, ибо эти чувства есть чувства удовлетворенной любви, а поэтому полноты и блаженства» (С.Троицкий). О высоком значении брака свидетельствует то, что в Библии брачный союз символизирует отношение Бога к народу, Христа к Церкви (Ос; Еф 5:22 сл.). Христос Спаситель подтверждает святость брака, установленную в Ветхом Завете (Мф 19:3 сл.). В идеале христианский брак нерасторжим; расторжение его стало возможным лишь как уступка «жестокосердию» людей (Мф 5:31-32; 19:3-12). О церковном благословении брака впервые, хотя и без конкретных подробностей, говорит сщмч. Игнатий Антиохийский (+107 г., К Поликарпу, 5,2). В древней Церкви форма таинства сводилась к тому, что брачующиеся вместе причащались. Только в 4 в. возникает обряд венчания, а в 10 в. складывается его чинопоследование.

Браковенчание в Русской Православной Церкви обычно совершается над зарегистрированными гражданским браком лицами. И только между мужчиной и женщиной. И обязательно крещеными, желательно практикующими православными христианами.

Возможно и такое браковенчание, когда один из брачующихся православный, а другой католик или протестант. Необходимо, чтобы инославный был крещен похристианскому обычаю (не крещенных не венчают). В православном храме таких брачующихся будут венчать при условии обещания инославным(ой)супругом(ой) беспрепятственного осуществления православной(ым) супругой(ом) своих религиозных потребностей (в т. ч. и религиозного воспитания детей).

Браковенчания совершаются в 2006 г. в следующие дни:

Июнь - 2, 4, 5, 7, 9, 11, 12, 14, 16; Июль - 12, 14, 16, 17, 19, 21, 23, 24, 26, 28, 30, 31;

Август - 2, 4, 6, 7, 9, 11, 28, 30;

Сентябрь - 1, 3, 4, 6, 8, 13, 15, 17, 18, 22, 24, 25, 27, 29; Октябрь - 1, 2, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 23, 25, 27, 29, 30;

Октяорь - 1, 2, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 23, 25, 27, 29 Ноябрь - 1, 5, 6, 8, 10, 12, 13, 15, 17, 19, 20, 22, 24, 26.

Храм Воскресения Христова (Спас на крови)

рам Воскресения Христова пос-Троен на том месте, где 1 марта 1881 г. членом «Народной воли» был смертельно ранен император Александр II. На этом месте первоначально была возведена часовня по проекту архитектора Н.Бенуа. Затем на месте часовни был возведен храм по проекту архитектора А.Парланда. Девятиглавый однопрестольный храм на 1600 человек был заложен 6.Х.1883 г. в высочайшем присутствии, еще до окончательного утверждения проекта, ибо первые три года пришлось вести работы по укреплению грунта и сооружению фундамента. 6.VII.1897 г. на главном шатре высотой 81 м. был водружен крест. Мозаика почти сплошь покрывает и внутренность храма, что делает его единственным в мире примером этого искусства в новое время. Мозаичные работы на целых десять лет задержали освящение, которое свершил 19.VIII.1907 г. митрополит Антоний в высочайшем присутствии. 27.IV.1908 г. митрополит освятил стоявшую рядом с храмом Иверскую часовню-ризницу, где были собраны иконы, поднесенные в память о кончине Александра II, в том числе «Распятие», приписывавшееся В. Л. Боровиковскому. В 1888 г. храму был подарен крест с кусочками камней от Живоносного Гроба, Голгофы, Вифлеемской и Гефсиманской пещер.

С самого освящения настоятелем в соборе, имевшем приход, служил прот. Петр Иоаннович Лепорский, профессор догматики в Духовной академии.

В 1923 г. храм получил статус кафедрального собора епархии, а через четыре года стал оплотом «иосифлян». Постановлением Президиума ВЦИК храм был закрыт 17.ХІ.1930 г. и передан «под культурно-просветительные нужды». В 1934 г. Общество политкаторжан устроило в соборе выставку, посвященную «Народной воле». Однако через год ее закрыли, храм сняли с государственной охраны; стали раздаваться призывы снести этот

шедевр русского зодчества, и перед войной был разработан соответствующий план.

Лишь в 1956 г. здание вновь обрело статус памятника архитектуры, хота надругательство над ним продолжалось: здесь находились мастерские, картофелехранилище, склад декораций. Снова возник замысел снести собор. В 1970 г. храм передан как филиал музею «Исаакиевский собор», в нем начались сложные реставрационные работы. Зарегистрированная в 1990 г. община подала документы на возвращение собора верующим, но дирекция музея не желает этого делать.

30 мая 2006 года в храме Воскресения Христова (Спас на Крови) состоялось торжественное богослужение, приуроченное ко дню рождения митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира.

Возглавил богослужение митрополит Владимир, ему сослужили прот. Геннадий Бартов - секретарь Санкт-Петербургской епархии, прот. Павел Красноцветов - настоятель кафедрального Казанского собора, и другие священнослужители епархии.

Спас на Крови входит в государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» и, по недавно сложившейся традиции, богослужения в храме совершаются только один раз в год - в день города, совпадающий с днем рождения митрополита Владимира. Это своеобразный подарок города своему правящему архиерею.

По окончании богослужения митрополит Владимир наградил грамотой «за усердные труды во славу Святой Церкви» начальника музея-реликвии Спас на Крови Зеленченко Валентину Андреевну.

Также Владыка поблагодарил всех жертвователей иблагодетелей, которые помогли и помогают восстанавливать Православные Церкви и монастыри, среди которых Александро-Невская лавра, Александро-Свирский Свято-Троицкий мужской монастырь и многие другие.

Говоря о возобновлении молитвенной жизни в Спасе на Крови, Владыка Владимир отметил: «Как дом пустует без хозяина, так и храм пустует без молитвы».

Санкт-Петербургская митрополия. Официальный сайт. http://www.mitropolia-spb.ru